Литературная газета
г. Москва
7 - 3 МАР 1982

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Риммы КАЗАКОВОЙ

БРИГАНТИНА ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЬ

● *Александр МЕЖИРОВ: «Она обладает неподдельным поэтическим даром... Мир ее слова богат цветом и музыкой. В нем много резких красок и высоких нот».*

● *«И во мне поют и плачут годы — грозные и ясные насквозь».*
Римма КАЗАКОВА

● *Поэзия в век НТР необходима, как и прежде.*

Вынесенные в заглавие слова могут, пожалуй, показаться ныне легким анахронизмом. Романтическую песню о бригантине на стихи Павла Когана пели в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Тогда «Бригантинами» повсеместно называли молодежные клубы и кафе, слово это мелькало в названиях газетных статей и на обложках книг. У Риммы Казаковой, входившей тогда в литературу, тоже была своя «Бригантина» — «Песенка о парусе», посвященная впоследствии Михаилу Светлову:

Веселый флаг на мачте поднят —
как огонек на маяке.
И парус тонет,
и парус тонет
за горизонтом вдалеке...
А море вдруг приходит в ярость —
такой характер у морей.
Куда ты, парус,
куда ты, парус,
вернись скорей,
вернись скорей!

Эти строки тоже тогда пели, хотя и не так широко, как «Бригантину». Я цитирую их по памяти, уточняя лишь знаки препинания по однотомнику «Русло», куда вошли стихи из всех прежних сборников, начиная с первого, нежно-зеленого и почти невесомого, как весенний листок, — «Встретимся на Востоке» (Хабаровск, 1958). Очень хорошо помню, как появились в периодике первые стихи молодой поэтессы. Аннотации сообщали: Римма Казакова — ленинградка, после окончания университета живет и работает на Дальнем Востоке. Для нас, питомцев литературного объединения ЛГУ, в самом этом сообщении было нечто озадачивающее: как это мы не знали, как проглядели ее в недавние годы? Литобъединение в университете было тогда многолюдным и шумным. Тон в нем задавали филологи и будущие журналисты. А Римма Казакова училась на истфаке; много лет спустя она признавалась мне, что решилась как-то прийти на одну из литературных «сред» или «пятниц», да так и просидела молчком весь вечер, ошеломленная эрудицией и авторитетностью ораторов. Между прочим, кроме всяких шуток: уровень разговора в тогдашнем литобъединении был действительно высок. А случай с Риммой Казаковой еще раз подтверждает ту истину, что молодому таланту далеко не всегда с самого начала нужна среда, атмосфера профессиональных споров и баталий. Все зависит от склада таланта. Иной раз до поры до времени полезней и благодатней бывает уединенность. Ведь, между прочим, у Риммы Казаковой уже тогда были в студенческой сумочке многие стихи, вошедшие потом в первую книжку и получившие читательское признание. Чем покоряли они читателей, в чем было их изначальное обаяние? Наверное, все-таки — в предельной искренности и душевной открытости. Пишу «все-таки», ибо само по себе такое утверждение, конечно же, на грани банальности: искренен всякий настоящий поэт, нет искренности — нет поэзии, тут и говорить не о чем. Но есть особая открытость души — захлебывающаяся, безоглядная, беззащитная и тем подкупающая. Помню, какие споры вызывало одно из тогдашних стихотворений Риммы Казаковой:

Люби меня!
Застенчиво,
боязно люби,
словно мы повенчаны
богом и людьми...
Люби меня по-отчески,
воспитывай, лепи, —
как в хорошем очерке,
правильно люби...
Люби совсем неправильно,
непедагогично,
нецеленаправленно,
нелогично...

Иной читатель, привыкший заранее знать, «что такое хорошо и что такое плохо», как подобает любить молодому современнику и как не подобает, уже тут настораживался: к чему это гнет поэтесса? А поэтесса продолжала совсем уж дерзко и вызывающе:

Люби дремуче, вечно,
противоречиво...
Буду эхом, вещью,
судомойкой, чтивом,
подушкой под локоть,
скамейкой в тени...
Захотел потрогать —
руку протяни!

Слыханное ли дело — вещью! Еще Лариса-бесприданница из пьесы Островского протестовала против подобной участи. А «лирическая героиня» Казаковой готова на нее согласиться!

Так нет же, возражал другой участник спора: соглашаться или не соглашаться, протестовать и бунтовать — это потом! А сначала, прежде всего:

Люби меня только.
Только люби!

Лучше «неправильная» любовь, чем никакой. Лучше страдать от любви, чем страдать без любви. Нет любви — и говорить опять же не о чем. Вот какие простые, в сущности, истины утверждала поэтесса. И стихи, казалось бы, сугубо интимные вызывали широкий отклик. Угадывалась в них, между прочим, и некая смутная тревога, лишь много позднее открыто прозвучавшая в дискуссиях на тему: не скудеют ли чувства в век НТР?

Я не пишу всестороннее исследование о творчестве Риммы Казаковой, не взвешиваю скрупулезно, какая тема сколько места занимает в ее книгах. И потому да простится мне столь подробный разговор относительно стихов о любви. Думается, что он обладает определенной внутренней актуальностью. Листая страницы сегодняшних литературных журналов и поэтических сборников, мы можем составить совсем неплохую антологию стихов о космосе, о БАМе, обширную книгу «Природа и мы» (что, кстати, небезынтересно было бы сделать), а вот со стихами о любви, боюсь, испытали бы затруднение...

Что же касается Риммы Казаковой, то диапазон ее поэзии смолоду был широк и многообразен. Множество вступающих в самостоятельную жизнь читателей и читательниц той поры узнавали себя в ее стихах. И шли в президиумы на поэтических вечерах записки с просьбой прочитать особенно полюбившееся и запомнившееся:

Мы молоды. У нас чулки
со штопками.
Нам трудно.
Это молодость виной.
Но плещет
за дешевенькими шторками
бесплатный воздух,
пахнущий весной...
Как пахнут ночи!
Мокрым камнем,
пристанью,
пыльцой цветочной, мятою,
песком...
Мы молоды. Мы смотрим
строго, пристально.
Мы любим спорить
и ходить пешком...

Точные приметы возраста, времени, поколения. Точные, не утратившие своей свежести слова. И с тем же неотразимым обаянием искренности писала тогда Римма Казакова о радости открывания родной земли — в стихах, посвященных Дальнему Востоку («Я знаю это побережье. Мне выпала такая честь!»). О гордой причастности к судьбе Родины и Революции («И во мне поют и плачут годы — грозные и ясные насквозь»). О таежниках, рыбаках, солдатах («Солдаты греют руки у огня. Чуть потеснились, пропустив меня, чуть улыбнулись с незаметной, той, почти святой, солдатской добротой»). И когда в задорных стихах о первой, еще очень юной студенческой любви любовь эта оказывалась принципиальной, «как партийное собранье», — это не было соединением несоединимого, это было так же естественно, как и все остальное!

Поэтическая судьба Риммы Казаковой складывалась внешне очень ровно и — страшно сказать! — благополучно. Первая, вторая, третья книга, переход к профессиональной литературной работе. Но сама эта внешняя простота таит в себе немалую опасность, и не всем удается сладить с ней. Запас первых жизненных впечатлений неизбежно растрачивается, тускнеет, и со всей грозной остротой встает вопрос: что дальше? Повторение пройденного? Случайные командировочные циклы? Попытки «прибиться» в поисках жизненного материала к рыбакам, строителям, геологам? Так или иначе, в жизни Риммы Казаковой все происходило тоже не так легко и просто, как кажется. Она сама об этом поведала с присущей ей доверительностью, не случайно, должно быть, снова обратившись к романтическому «парусному» образу:

Когда меняют паруса,
есть в этом что-то очень грустное,
и лодка — пусть на полчаса! —
без парусов бескрыло грузная...

Смена парусов состоялась, бригантина продолжила путь. Повторяю снова этот песенный символ, ибо в самом главном Римма Казакова осталась верна идеалам своей юности, тому юношескому максимализму, который она провозгласила еще в самых ранних своих стихах. И подтвердила в более поздних:

Забирайте, что хотите, у меня,
дайте только настоящего коня!

И далее, в самом конце:

Я когда-нибудь припомню, что тогда
хороша была, поскольку — молода,
что несло на сером в яблоках меня
и что падала с хорошего коня!

Что ж, программа, заслуживающая всяческого уважения. Лучше падать с хорошего коня, чем благополучно протрусить весь век на смирном и послушном. И стихи по-настоящему хороши: точные, ладные, энергичные.

Немало написано за прошедшие годы. Были неудачи, были издержки? Были. В частности, стремление максимально «насытить», «нагрузить» строку приводило порой к явному перебору. Хорошо, когда стих музыкален, когда есть в нем и внутренние рифмы, и аллитерации, и ассонансы, и консонансы. Не столь хорошо, когда они слишком явно высовываются на передний план: «Писатели, спасатели, — вот тем и хороши, — сказители, сказатели, касатели души...» Или того более: «Сочинитель, учинитель и скандалов, и чудес, маг, карандашей чинитель, мук духовных причинитель, — в чем ты видишь интерес? — Интересно — что не пресно, что прелестно без прикрас, что до времени безвестно, неполезно, неуместно — и чудесно в нас и в вас.— Сочинитель, подчинитель стран, сердец, пространств и лет, величатель, очернитель, слез невидимых ценитель, — как ты, счастлив или нет?» Напряженный, искусственный синтаксис, с трудом прослеживаемый смысл, — не слишком ли дорогая цена за эти сверкающие гирлянды?

Однако и тут мы обязаны сказать, что эти издержки по-своему знаменательны. Смолоду наше поколение воспитывали в традициях несколько аскетического отношения к стиху, повышенное внимание к форме не очень одобрялось в критических статьях и университетских лекциях. Выход — после десятилетнего перерыва! — маленькой книжки «Стихи» Леонида Мартынова был и в этом смысле событием. Была радость открытия новых для себя возможностей, была увлеченность, а какая увлеченность может с начала до конца оставаться «в рамках»? Пожалуй, у Риммы Казаковой эта «детская болезнь» чуть-чуть затянулась, что не помешало ей создать за годы работы в литературе немало стихотворений значительных, запомнившихся, более того — взятых на духовное вооружение ее сверстниками.

Как в юности, просто, как в зрелости, мудро написано прекрасное стихотворение о буднях, о том, что составляет, так сказать, повседневную ткань бытия. Материя эта, вопреки ходячему мнению, вовсе не легко дается в руки поэзии. То есть написать, зарифмовать можно все. Но чтобы написанное было значительным, представляло интерес для читателя, необходима душевная зоркость, необходим талант. Характерно, что в этом случае Римма Казакова как бы забывает заботиться об «украшении» своего стиха:

Обед готовила. Читала.
Болтала с мамой, ибо я,
как дочь хорошая, считала:
и это — функция моя...

Отмечу, кстати, как снова с истинно поэтическим бесстрашием подставляет себя Римма Казакова под удар со стороны того самого читателя, который всегда знает наперед, кто и что обязан чувствовать. Для «правильной» дочери, с точки зрения такого читателя, возможность поговорить с родной матерью — это всегда счастье, а никакая не «функция». И ведь верно: счастье. Только вот счастье само — это не перманентная эйфория, не беспрерывное благорастворение сердца. Это во многом еще и каждодневный труд души, о котором так проникновенно писал Заболоцкий. И только тот, кто способен на такой труд, может быть счастлив.

И говорилось,
и молчалось —
как жерновами зерна трут.
...А в юности
не замечалось,
что жизнь, как выяснилось,
— труд!

Жизнь — труд. Счастье — труд. Любовь — дочерняя, материнская — труд. Труд нелегкий и сладостный. Так говорит опыт зрелого сердца. Если он есть, если он обретен — значит, состоялась не только биография, но и судьба. В том числе и судьба поэтическая.

Илья ФОНЯКОВ